

Борис Иванович ЛУКИН –*поэт, критик и переводчик.**Родился в 1964 году в г. Нижний Новгород (Горький).**Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.**Работал в газете «Российский писатель»,
«Литературной газете», главным редактором
литературно-драматической части МХАТ им. М. Горького.**На многие языки мира переведены стихи
из его десяти поэтических книг.**Автор-составитель и главный редактор
пятитомной Антологии современной литературы России
«Наше время» и пятнадцатитомной Антологии
русской поэзии о Великой Отечественной войне
«Война и Мир».**Лауреат Большой литературной премии России.***Борис
ЛУКИН**
*с. Архангельское,
Московская
область***«Пожив в деревне,
понимаешь Фёта...»****ПОСЛЕ ГРОЗЫ**

Крым. После грозы ещё слышится эхо
раскатов громовых... и молний скелет
стоит пред глазами и держится цепко
за страх осознания – спасения нет.

Потоп ли всплывает в потоке сознания,
даруя телесную детскую дрожь
пред даром богов – мироздания тайной,
когда тугоструйно врывается дождь?

Врывается, воздух сдвигая в сторонку
от крыши и окон до моря и скал;
и нечем дышать; хочет сердце без толку
в дыхании – жизни глоток отыскать.

Из сонных глубин поднимаешься рыбой
сквозь выплески слуха и зрения тьму
в совсем незнакомый, младенчески зыбкий
бушующий мир и, доверяясь ему,
восторженно вспомнишь тональности гула,
сдвигавшего хляби небес в океан...

Всё стихло...
И горлица первой вернулась,
чуть слышно издав первородства сигнал.

* * *

Дождь остался только на скамейке...
Я его почти что месяц ждал.
В городах мечтают о ремейке,
об отмене кодов... Мысль проста.
Только полю не хватает влаги,
чтобы завтра плод успел поспеть.
И не зреют яблоки в овраге;
это место – для тоски и бед.
А с молитвой крестным ходом чтобы
нам пройти деревни окоём –
нужен смелый батюшка... свободный
от владычней воли. Где б такой
отыскался? Может, мы с молитвой
(Пусть нас будет пятеро всего)
умолили б влагою пролитой
на поля и душам дать покой.
Душно душам. Тело власть имеет.
Оглянусь, и некому сказать
так, чтобы откликнулись глаза:
«Дождь остался только на скамейке...»

* * *

«В деревне я живу...»

Г.Р. Державин

Пожив в деревне, понимаешь Фета
И чистого искусства вышний дар.
Исчезнут горожанина приметы
Из памяти и быта года в два.
Зато трава вдруг обретает имя.
И значимость... и смысл бытия...
Вот этой — сеном быть. А ту — собирать...
Кому-то полнить зоб, кому-то вымя.
Всему свой дом. Всему своя заря.
И тела жар, и боль не в миг унять
(Любовь лишь так — крапивою обнимет).

Посмотришь вдаль и выдохнешь легко...
К реке сбегает ребяшня иванов,
Что иван-чаем кличут испокон.
Под утра чуть запьются молоком
Июля ночи — прожиты в дурмане...
Молочно-призрачно укутав дали,
Вернёт земле туман вчерашний дождь.
Задумаешься вновь о милой тайне
Чужого воскрешенья... Ну и что ж?!
Аристократом кличут здесь меня...
И только на себя опять пенять.
Пусть... Сколько ни живи, природе внемля,
Хоть жизнь, хоть две... Всё сложится в часы
И пониманье чувства меры.
...А в память деревенок населенья,
Что пели не с избытку — от красы
У вспаханной семейством полосы,
Адам и Ева нашей, новой эры
Расслышат больше, чем стихотворенье —
Природою дарованный язык;
И перед сном прочтут они из Фета
Про благодать и таинство рассвета.

* * *

Ничего нового. Просто — дождь.
А что ещё быть осенью в октябре?
Листья. Цвет. Ветер. Промозглость. Дрожь.
Бессонница. Книги. Одиночество. Бред.
Годы впитываются водою в твердь.
Думаешь — молодеешь? Волос же нет...
Снова голоса птиц... Оставляя смерть
В наших краях листья жечь.
Мне остаётся высчитывать в календаре,
Сколько теперь до тепла ещё доживать...
Землю вспахал. Выгадал на сугрев
Уголь, дрова и газ... И бумаг в словах.
Эти мне бумазейки... Сердечный стук,
Такт, камертона стон, дождевой поток...
Музыка? Нет... Для неё требуется жизни слух,
Тяжесть и хрупкость её между рёбер строк.

* * *

Снег сошёл. И река присмирела.
Вдоль дорог прошлогодний ковыль
Шелестит. Рядом жарко и смело
Мать-и-мачехой начата биль.
Эти первые строчки сказанья
Будут день ото дня дополнять
Грозовые потоки признаний
И желаний всё в жизни объять.
Я прислушаюсь... Вдруг да поможет
Пересилить тоску бытия
оттого, что навечно заложник
Трудной мысли,
что смертен лишь я...

НА БЕРЕГАХ РУБЦОВА

Дм. Ермакову

...В октябрь попадаю на этом пути:
в утраты полей и забытость болот,
и крик журавлиный (тоскою в груди)
бессонницей мучит не первый уж год.
Спасибо, Димитрий, за строчек корабль...

Не я капитан... Но уж точно — матрос,
которому выкрикнут: «Парус расправь!»
От счастья свободы по коже мороз.
Отправимся в путь. Осень — самое то
раздольное время для книжных трудов.
А сквозь остывающий жизни простор
особо заметна вся прелесть даров:
земной и небесный вокруг хоровод...